

Вмѣсто того, чтобы увеличивать объемъ сборника перепечаткой дипломатическихъ депешъ и случайныхъ корреспонденцій, не мѣшало бы, вѣжеству, подумать о способахъ введенія его въ болѣе тѣсныя границы. Вышедшій томъ обнимаетъ собою только *восемь мѣсяцевъ* и содержитъ въ себѣ только статьи по *одному* вопросу; сколько же понадобится томовъ, чтобы перепечатать *все* написанное Катковымъ или другими при его жизни, въ продолженіе слишкомъ тридцати или хотя бы только двадцати-пяти лѣтъ (съ 1863 г.)? Вѣдь ихъ наберется, пожалуй, нѣсколько десятковъ. Насколько недоступно будетъ для большинства читателей приобрѣтеніе такого громаднаго числа томовъ, настолько же трудно будетъ и ознакомленіе съ ними, и изданіе не приведетъ къ желанной цѣли. Едва ли можно будетъ, слѣдовательно, обойтись безъ *выбора* статей; но какъ избѣжать произвола въ выборѣ, какъ достигнуть того, чтобы сокращенія и выпуски не исказили литературную физиономію покойнаго писателя. Вотъ вопросъ, необходимо требующій отвѣта, а отвѣтъ сдѣлается возможнымъ только тогда, когда издатели отнесутся совѣтмъ иначе къ начатому ими дѣлу. Къ содержанію статей, вошедшихъ въ составъ перваго тома, мы еще возвратимся.

— *Ф. К. Андерсонъ*. Г. Э. Лессингъ, какъ драматургъ. Спб., 1887.

Лессингъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, изученіе которыхъ всегда полезно и интересно. Чѣмъ больше книгъ, ему посвященныхъ, появляется на русскомъ языкѣ, тѣмъ лучше. Съ этой точки зрѣнія мы готовы привѣтствовать и трудъ г. Андерсона; но особенно цѣннымъ или оригинальнымъ его признать нельзя. Слишкомъ подробно излагая содержаніе драматическихъ произведеній Лессинга, авторъ даетъ скорѣе рядъ рецензій, чѣмъ цѣльную характеристику великаго писателя. Онъ ограничивается иногда повтореніемъ взглядовъ Лессинга, не подвергая ихъ никакой критической оцѣнкѣ. Со стороны Лессинга ожесточенная борьба противъ французской классической или псевдо-классической трагедіи была совершенно понятна и неизбѣжна. Ему нужно было сломить авторитетъ, тяготѣвшій надъ молодымъ нѣмецкимъ искусствомъ, мѣшавшій его свободному полету. Въ стремленіи къ этой цѣли онъ не разбиралъ средствъ, не могъ и не хотѣлъ быть безпристрастнымъ. Его работа не прошла бесслѣдно. Идолопоклонству передъ мнимо-совершенными образцами давно настала концевъ; французскій классицизмъ низведенъ съ своего пьедестала, но это еще не значитъ, чтобы онъ былъ повергнутъ въ прахъ и пораженъ, какъ выражается г. Андерсонъ, „смертельнымъ ударомъ“.